

ПРОЯВЛЕНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА В ПОВЕСТИ «ИУДА ИСКАРИОТ» Л.Н. АНДРЕЕВА В КОНТЕКСТЕ ПОЭТИКИ И ПРОБЛЕМАТИКИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Жэнь Цзичжао

Аспирант, Государственный институт русского языка
имени А.С. Пушкина, (г. Москва)
1435284454@qq.com

MANIFESTATION OF EXISTENTIALISM IN THE STORY "JUDAS ISCARIOT" BY L.N. ANDREEV IN THE CONTEXT OF THE POETICS AND PROBLEMS OF THE WORK

Ren Jizhao

Summary: The article is devoted to existential manifestations in the story "Judas Iscariot" by L.N. Andreev, in which the biblical plot is originally rethought. The results of the rethinking can be interpreted as a platform for expressing existential ideas. The image of Judas, traditionally perceived as the embodiment of evil and betrayal, in the hands of Andreev is transformed into a complex, tragic, and paradoxical figure. The writer questions the usual moral assessments, demonstrating the close interweaving of good and evil in the human soul. The paper provides a detailed analysis of key existential categories, such as freedom of choice, responsibility, alienation, and absurdity, which are reflected in the character and actions of the protagonist. Special attention is paid to the artistic means that contribute to the disclosure of the existential issues of the work, as well as to the specifics of the interpretation of the Gospel plot in the context of the philosophical quest of the early 20th century.

Keywords: Andreev, "Judas Iscariot", existentialism, gospel plot, existential hero.

Аннотация: Статья посвящена экзистенциальным проявлениям в повести «Иуда Искарот» Л.Н. Андреева, в которой оригинально переосмысливается библейский сюжет. Итоги переосмысления можно трактовать как платформу для выражения экзистенциальных идей. Образ Иуды, традиционно воспринимаемого как воплощение зла и предательства, в руках Андреева преобразуется в сложную, трагическую и парадоксальную фигуру. Писатель ставит под сомнение привычные моральные оценки, демонстрируя тесное переплетение добра и зла в человеческой душе. В работе детально анализируются ключевые экзистенциальные категории, такие как свобода выбора, ответственность, отчуждение и абсурд, которые находят свое отражение в характере и поступках главного героя. Особое внимание уделяется художественным средствам, которые способствуют раскрытию экзистенциальной проблематики произведения, а также специфике интерпретации евангельского сюжета в контексте философских исканий начала XX века.

Ключевые слова: Андреев, «Иуда Искарот», экзистенциализм, евангельский сюжет, экзистенциальный герой.

Введение

Евангельские темы и мотивы находили особенный отклик у русских писателей начала XX века в связи с коренными социальными переворотами, разрушением традиционной морально-нравственной основы общества. В первую очередь, речь идёт о революции 1905 года, само приближение которой сразу повлияло на ход развития русской литературы и культуры конца XIX – начала XX в. Неслучайно А.А. Блок увидел в этих событиях «невиданность» [3, с. 89]. Избежать их уже было невозможно, и многие представители русской культуры осознавали это. В связи с этим в литературе возникла и утвердилась тенденция к пророчествам, мрачным настроениям.

Особую остроту в этот период приобретает интерес к маргинальным и трагическим фигурам, чья судьба позволяет подвергнуть сомнению традиционные этические категории. В центре такого переосмысления оказывается евангельский сюжет о предательстве, а фигура

Иуды Искарота становится мощным инструментом для художественного исследования кризиса личности, стоящей перед экзистенциальным выбором в мире утраченных абсолютов. Повесть Л.Н. Андреева «Иуда Искарот» представляет собой не просто оригинальную интерпретацию библейского текста, но и становится одним из первых в русской литературе произведений, где с исключительной глубиной воплощены ключевые категории экзистенциальной философии: абсурд, отчуждение, свобода, ответственность и тотальное одиночество человека перед лицом несправедливого мира.

Результаты и обсуждение

Задумывая произведение о предательстве, замысел которого был продиктован собственными духовными запросами, Л.Н. Андреев одновременно получил мощный импульс от свершившихся в России революционных событий 1905 года, трагического исхода Кровавого воскресенья. Ситуация на грани, острое столкновение двух мощных сил подтолкнули писателя к переосмыслению

всего происходящего с точки зрения евангельских истин. Заметив наметившуюся в российском обществе тенденцию к отступничеству, Леонид Андреев нащупал основную мысль будущего произведения, которую определял примерно следующим образом: «*Нечто по психологии, этике и практике предательства*» [Цит. по: 4, с. 43].

Л.Н. Андреев своим произведением как бы вступал в полемику с той частью общества, которая высказывала неприятие в отношении искажения евангельского образа Иуды. Писатель полагал, что публика сама неверно трактует его поиски в данном направлении. Так, в одном из писем он писал: «*Или ты тоже думаешь, что я оправдываю Иуду, и сам я Иуда, и дети мои Азефы?*» [2, с. 327].

Из этого высказывания следует, что писатель не принимал предательства и обелить Иуду не являлось целью его произведения. Как замечал сам писатель, его «*тревожил разрыв между высокими идеалами и реальными человеческими поступками*» [2, с. 327]. Разрыв этот, по его мнению, особенно явственно оказывается заметным, «когда человек попадает в кризисную жизненную ситуацию, ситуацию “последнего” выбора...» [2, с. 238]. Перед таким последним выбором стоял и Иуда, и это совпадение заставило писателя обратиться к евангельскому образу. Л.Н. Андреев полагал, что духовная болезнь, поразившая общество, во многом вызвана слабостью человека – свойством «универсальным для всех» [2, с. 238]. Следовательно, и рассматривать эту болезнь следует в спектре общечеловеческом, и Евангелие здесь было наиболее подходящим вариантом. Однако писатель в качестве источника для повести выбрал не библейскую историю, а изыскания Э. Ренана (речь идёт о его книге «Жизнь Иисуса») и действительно «изнаночную» версию евангельской истории.\

Поэтика повести «Иуда Искарот» чрезвычайно сложна, однако без её изучения невозможно понять истинный смысл этого произведения Л.Н. Андреева. Вольно трактуя один из самых знаменитых эпизодов Евангелия, писатель, тем не менее, не оставляет в стороне первооснову. Повесть по своей сути интертекстуальна и находится в постоянном диалоге с Евангелием. Свидетельствует об этом и способ повествования, который тяготеет к притчевости, а также частые прямые отсылки к евангельскому тексту.

Однако история Иуды – это лишь основа. Трактую своё произведение как «совершенно сводную фантазию», автор сам определяет главную тему повести – «о предательстве, добре, зле, Христе и прочем» [Цит. по: 5, с. 12]. Таким образом, свой анализ людских пороков писатель производит в религиозно-философском ключе, а основным конфликтом произведения можно назвать столкновение между верностью (дружбе, взглядам, своему Учителю) и низменными чувствами, приводящими к

предательству, отступничеству. В какой момент душа человека начинает гнить, а его нравственные основы расшатываться – ответить на этот вопрос является одной из важнейших задач, которую ставил перед собой Л.Н. Андреев. Однако однозначных, точных ответов на поставленные вопросы в «Иуде Искароте» не найдёшь.

А.М. Окунева очень точно замечает, что «ответы» автора повести «парадоксальны и зашифрованы, чем и определяется противоречивый, зачастую полярный характер отзывов о повести, и сам Андреев высказался об этом так, что он всегда только ставит вопросы, но ответы на них не даёт» [6, с. 56].

Красноречивым аспектом повести является критика христианства. Все апостолы лишены их канонических черт, и автор – вместо привычных образов Петра, Иоанна и других на страницах повести возникают иронические портреты, наполненные едким и злым чувством. Таким образом автор выражает своё неприятие христианства, считая его неверным.

Андреев обличает религиозное учение, полагая, что в основе его лежит зло. Он не видит в религии спасения для мира, более того, в какой-то мере обвиняет христианство в том, что происходит кругом. Он перемешивает привычные роли, придавая образам Иисуса Христа и Иуды черты, им не свойственные.

Раскрывая психологию предательства, писатель затрагивает такие общечеловеческие темы, как одиночество, любовь, зависть, гордыня. Автор подводит своих героев к крайней точке, к пределу, за которым может быть только смерть – своя или чужая. В итоге главный герой идёт на предательство (впрочем, в предательстве обвинены и остальные апостолы), но поступок его неоднозначен. Л.Н. Андреев намеренно усложняет все поступки Иуды, придавая им различные оттенки – парадоксальности, недосказанности, противоречивости.

Сложным является и вопрос любви в этом произведении. У Иуды любовь к Иисусу – это нетерпимая любовь, то есть страсть, но не настоящая любовь. В христианстве настоящая любовь – это духовная субстанция, желание отдать, как отдавал Иисус. Иуда же хочет взять, и это животная любовь, в которой нет ни самопожертвования, ни ценности.

Финал повести обращён ко всему человечеству: «*И в тот вечер уже все верующие узнали о страшной смерти Предателя, а на другой день узнал о ней весь Иерусалим. Узнала о ней каменистая Иудея, и зелёная Галилея узнала о ней, и до одного моря, и до другого, которое ещё дальше, долетела весть о смерти Предателя. Ни быстрее, ни тише, но вместе с временем шла она, и как нет конца во времени, так не будет конца рассказам о предатель-*

стве Иуды и страшной смерти его. И все – добрые и злые – одинаково предадут проклятию позорную память его, и у всех народов, какие были, какие есть, останется он одиноким в жестокой участи своей – Иуда из Кариота, Предатель» [1, с. 110].

В самом начале повести делается акцент на отрицательные качества Иуды: лицемерие, коварство, корыстолюбие, лживость. В целом, характеристика Иуды сводится к устойчивому выражению «дурная слава» [1, с. 111]. Все эти активные способы вербального влияния нацелены на убеждение одного человека – Иисуса Христа, Который, как это можно понять из контекста высказывания не верил в это или не хотел поверить. Здесь ключевыми словами, позволяющими понять смысл, является словосочетание «много раз предупреждали»: «Иисуса Христа много раз предупреждали, что Иуда из Кариота – человек очень дурной славы и его нужно остерегаться» [1, с. 112]. Таким образом, становится очевидным, что Иисус интересовался Иудой и не слушал дурных отзывов о нём, которые, действительно, являлись прямолинейными и не допускали какого-либо иного толкования. Дополнительной деталью, характеризующей личность Иуды, можно считать комментарий повествователя о том, что все рассказывающие о нём, плевались: «Он ссорит нас постоянно, – говорили они, отплёвываясь, – он думает что-то своё и в дом влезает тихо, как скорпион, а выходит из него с шумом. И у воров есть друзья, и у грабителей есть товарищи, и у лжецов есть жены, которым говорят они правду, а Иуда смеётся над ворами, как и над честными, хотя сам крадет искусно, и видом своим безобразнее всех жителей в Иудее» [1, с. 115].

С одной стороны, Иуда выделяется общественностью как самый плохой человек в Иудее, с другой – его личность обобщается, становится неким олицетворением всех «порочных людей» [1, с. 115], которых когда-либо знала Иудея. В короткой речи повествователя уместаются самые различные эпизоды жизни Иуды, красноречиво указывающие на его крайне отрицательные качества и на его тенденцию к предательству: оставление жены, которая осталась в бедственном положении; исчезновение из тех мест, где он своим воровством, безобразными выходками и ложью. В какой-то момент вся характеристика Иуды сводится к синекдохе – «воровской глаз», вполне логично переходящий в метафору «одноглазый бес».

Дальнейшие описания недвусмысленно дают понять: внешность героя соответствует его внутренним качествам. Эпитет «самый безобразный», употреблённый ранее, усиливается посредством других эпитетов: «рыжий и безобразный еврей» [1, с. 111]. Повествователем последовательно внушается: личность Иуды не может даже самому наивному человеку показаться симпатичной. Большинству людей Иуда кажется существом среднего рода, обладающего «бесовскими» способностями (на-

пример, его привычка исчезать и появляться незаметно). Также незаметно он оказался и в окружении Иисуса, и даже ученики не могли объяснить, каким образом это произошло. Однако случившееся преподносится как факт: «...но уж давно неотступно шёл он по ихнему пути, вмешивался в разговоры, оказывал маленькие услуги, кланялся, улыбался и заискивал» [1, с. 114]. Повадки и привычки Иуды подобны хамелеону: «И то совсем привычен он становился, обманывая утомленное зрение, то вдруг бросался в глаза и в уши, раздражая их, как нечто невиданно-безобразное, лживое и омерзительное. Тогда суровыми словами отгоняли его, и на короткое время он пропадал где-то у дороги, – а потом снова незаметно появлялся, услужливый, льстивый и хитрый, как одноглазый бес» [1, с. 115].

Художественные приёмы, используемые автором (эпитеты, обилие глаголов действия, воссоздание пластики и движений героя) свидетельствуют о том, он демонизирует этого персонажа, относя его, конечно, не к высшей демонической иерархии, а к разряду прислуживающих сатане «мелких бесов».

Попав в избранное общество апостолов, Иуда не меняет своего поведения. Он много общается и спорит с другими апостолами, которые, переступив через себя, терпят его рядом с собой. При этом Иуда никогда не общается с Иисусом напрямую; ни одного разговора не происходит между ними. Они – как два полюса добра и зла, красоты и безобразия, и единственной нитью, которая их связывает, оказывается искреннее расположение к Иуде Иисуса, которая неожиданно разрывается, когда имя Учителя оказывается замазанным ложью этого самого странного из всех двенадцати апостолов.

Негативная реакция Иисуса на поступок Иуды, когда он лжёт якобы во спасение Учителя (неприятие апостолов его, по всей вероятности, мало трогало) вызвала в нём глубокое разочарование и обиду, ведь он ожидал похвалы за свой поступок. Слова Фомы о том, что отцом Иуды действительно является дьявол, и он – Фома – в это верит, ещё более ранят героя и завершают переворот в его внутреннем мире. Эта перемена обозначается внезапной бледностью Иуды, странными его повадками, которые будто парализуют Фому и пугают его: «– Значит, дьявол научил меня? Так, так, Фома. А я спас Иисуса? Значит, дьявол любит Иисуса, значит, дьяволу нужен Иисус и правда? Так, так, Фома. Но ведь мой отец не дьявол, а козел. Может, и козлу нужен Иисус? Хе? А вам он не нужен, нет? И правда не нужна?» [1, с. 120].

Переворачивая всё с ног на голову, Иуда и сам начинает верить в то, что избранный, но никто не понимает этого. Его порывистый бег вниз, по обрыву, описанный в соответствии с поэтикой демонизма (нелепое вскидывание рук, как для полёта; скатывание «серым комком»

вниз, угрозы горе, с которой он скатился) свидетельствует не только о его смятенном внутреннем состоянии, но и о том, что этот душевный взрыв закончится каким-либо судьбоносным решением.

Именно намёк на это решение и даёт завершение этой сцены. Иуда, следуя своей демонической природе, буквально каменеет, сливается с природой. Так выражается его глубокое отчуждение от мира (неслучайно единственным, кто выражает какое-то подобие дружелюбия к нему, является скорпион – также представитель демонических сил). Окаменелость Иуды – показатель его принадлежности к запредельности: *«И так час и два сидел он, не шевелясь и обманывая птиц, неподвижный и серый, как сам серый камень. И впереди его, и сзади, и со всех сторон поднимались стены оврага, острой линией обрезаая края синего неба, и всюду, впинаясь в землю, высились огромные серые камни – словно прошел здесь когда-то каменный дождь и в бесконечной думе застыли его тяжёлые капли. И на опрокинутый, обрубленный череп похож был этот дико-пустынный овраг, и каждый камень в нем был как застывшая мысль, и их было много, и все они думали – тяжело, безгранично, упорно»* [1, с. 124].

Возвращение Иуды в апостольский круг демонстрирует новую сторону его личности. Он меняется по отношению ко всем апостолам, не принимает участие в их забавах (и подобные вольности допускает в своей повести Л.Н. Андреев). Если в первой части повести он вёл себя как шут и фигляр, как юродствующий бес, то во второй – он серьёзен и озлоблен и, похоже, буквально заставляет вернуться себя к прежней манере поведения. Примечательной здесь является здесь следующая цитата: *«Иуда как-то боком взглянул на него, и тут Фома впервые смутно почувствовал, что у Иуды из Кариота – два лица»* [1, с. 126].

В свете характеристики поэтики произведения и образа Иуды можно говорить об экзистенциальных чертах этого героя. Напомним, что экзистенциализм – это литературное и философское движение XIX и XX веков, которое достигло своего полного расцвета во Франции, особенно в период оккупации и последующего освобождения, когда чувство абсурда и исторический контекст благоприятствовали появлению подобных произведений [7, с. 635]. Экзистенциализм в литературе акцентирует такие темы, как свобода, ответственность, тревога по поводу абсурдности человеческого существования и поиск смысла через индивидуальную деятельность. Он получил особое развитие после Второй мировой войны, когда такие известные авторы, как Жан-Поль Сартр и Альбер Камю, исследовали эти концепции в романах, пьесах и эссе, отражая философию, согласно которой «существование предшествует сущности» [8].

Обозначим некоторые основные характеристики эк-

зистенциализма в литературе. Так, центральным понятием этого философского направления является свобода. Литературные герои-экзистенциалисты сталкиваются с безграничной свободой выбора, которая одновременно пугает и освобождает. Они несут ответственность за свои решения и последствия, которые их сопровождают. Отсутствие предопределённости и абсолютных ценностей заставляет героев искать смысл жизни в собственном опыте и действиях.

Экзистенциальная тревога – неизбежный спутник героев экзистенциалистской литературы. Сознание собственной брэнности, конечности жизни и ответственности за свой выбор порождает чувство страха, беспокойства и неуверенности. Писатели часто изображают этот внутренний конфликт с помощью метафор, символов и других своеобразных средств выразительности.

Поиск аутентичности – важная тема в экзистенциалистской литературе. Герои стремятся жить своей жизнью, не подражая общественным нормам и ожиданиям. Они пытаются найти свой собственный путь, смысл и ценности, не полагаясь на внешние авторитеты. Герои-экзистенциалисты часто мучаются чувством тревоги, могут испытывать чувство пустоты и абсурдности мира и безграничности индивидуальной свободы.

Чувство отчуждения – ещё одна ключевая характеристика экзистенциализма. Герои часто испытывают одиночество, изоляцию от общества и непонимание окружающего мира. Они сталкиваются с абсурдностью существования и трудностью нахождения места в хаотичной реальности. Бесконечно одинок и Иуда. Мотив одиночества, сопровождающий линию поведения Иуды на протяжении всей повести, является одним из основных. Напомним, что его успех среди апостолов был недолгим, и в скором времени он опять оказывается в зоне отчуждения: *«Все хвалили Иуду, все признавали, что он победитель, все дружелюбно болтали с ним, но Иисус, – но Иисус и на этот раз не захотел похвалить Иуду. Молча шёл он впереди, покусывая сорванную травинку, и понемногу один за другим переставали смеяться ученики и переходили к Иисусу. И в скором времени опять вышло так, что все они тесною кучкою шли впереди, а Иуда – Иуда-победитель – Иуда сильный – один плёлся сзади, глотая пыль»* [1, с. 137].

При помощи глагола «плёлся» передаётся внутреннее состояние героя. Будучи глаголом движения, он, тем не менее, предполагает широкое семантическое толкование. Человек может передвигаться таким способом от усталости, разочарования, опустошённости, обиды. Иуда плетётся позади всех потому, что эти люди не принимают и не ценят его. О том, насколько велики его амбиции, показывает следующий эпизод, в котором Иуда вступает в поединок с Иисусом. И этот его дерзкий вызов

показывает, что он уверен в собственной вседозволенности и безграничной свободе для себя.

Демоническая сила этого нелепого на первый взгляд существа (а мысль о его нелепости и шутовстве внушалась автором в течение всего действия) преподносится как непреложная данность: *«Иуда забрал в железные пальцы всю душу и в необъятном мраке её, молча, начал строить что-то огромное. Медленно, в глубокой тьме, он поднимал какие-то громады, подобные горам, и плавно накладывал одна на другую, и снова поднимал, и снова накладывал, и что-то росло во мраке, ширилось беззвучно, раздвигало границы. Вот куполом почувствовал он голову свою, и в непроглядном мраке его продолжало расти огромное, и кто-то молча работал: поднимал громады, подобные горам, накладывал одну на другую и снова поднимал... И нежно звучали где-то далёкие и прозрачные слова»* [1, с. 141].

Нежно звучащие слова – это проповедь Иисуса, которую Тот произносит в данный момент, и свои демонические действия Иуда совершает в момент её произнесения, стоя напротив Него (вновь возникает оппозиция двух полюсов). Ответ на вопрос, почему Иуда делает это, очевиден: он считает себя равным Иисусу, а может быть, и выше Него. Неземному и лучезарному свету, распространяющемуся от слов Христа, он противопоставляет свои мрачные и каменные громады, призванные, видимо, для воцарения тьмы на земле.

Вступив в противоборство с Сыном Божиим, он хочет доказать миру свою значимость, тем самым обнаруживая новые качества, которые за его паясничеством и ёрничеством были поначалу не видны. Качества эти – гордыня (сатанинский грех), обострённое самолюбие. На протяжении всей истории человечества именно эти качества являлись основными двигателями, толкавшими людей на предательство.

Иуда же одновременно хочет и быть равным Христу, и признанным Им. Поэтому следующим уровнем его мотивации становится окончание этого поединка во время проповеди Иисуса: *«Иуда вздрогнул и даже вскрикнул слегка от испуга, и все у него – глаза, руки и ноги – точно побежало в разные стороны, как у животного, которое внезапно увидело над собою глаза человека. Прямо к Иуде шел Иисус и слово какое-то нес на устах своих – и прошёл мимо Иуды в открытую и теперь свободную дверь»* [1, с. 153].

Зная теперь подлинные устремления Иуды (намёк на которые были сделаны и раньше, когда он несколько раз говорит сам о себе: *«Пусть один останется сильный, смелый, прекрасный Иуда!»* [1, с. 159]), его гипертрофированное тщеславие, можно себе представить, какой удар по самолюбию был нанесён ему Иисусом, поэтому и ре-

акция, последовавшая за этим, также будет нетипичной для него (сцена ночного плача Иуды).

Для тщеславия Иуды необходимо, чтобы Иисус любил его (ведь, похоже, его одного Он в мире и не любит). Возможно, если бы Иисус признал Иуду на равных, он не пошёл бы на предательство (речь идёт только лишь о поведении Л.Н. Андреева), но этого не происходит. В только что услышанной проповеди Иисуса он видит руководство для своих дальнейших действий: *«– Сухая смоковница, которую нужно порубить секирою, – ведь это я, это обо мне он сказал»* [1, с. 166].

Предречение смерти Иисусу говорит о том, что Иуда уже всё решил для себя, и решение это пришло к нему в момент поединка. Презрительное игнорирование Учителем стало завершающим этапом в эволюции его идеи о предательстве. В своём перевёрнутом демоническом сознании утверждается совсем иная картина мира, в которой все апостолы лживые глупцы, а он сам превосходит всех остальных.

Для Иуды идеальным миром является тот мир, где будет соблюдена полярность «он – Иисус», и роли, которые они будут играть в нём, окажутся равными. Когда же его мечты разбиваются о нелюбовь Иисуса, Иуда решает, что единственным выходом в данной ситуации будет смерть. Но и после неё Иуда отводит для себя особенное место: *«– Я! Я буду возле Иисуса!»* [1, с. 170]. Таковы его слова в споре с апостолами, благодаря которым раскрываются его истинные воззрения и главное качество – гипертрофированная гордыня.

Заключение

Таким образом, сама ситуация выбора в повести (предать или нет) экзистенциальна. Она является ключевым элементом для раскрытия психологических и нравственных глубин всех участников событий. Этот акт, наполненный драматизмом и трагизмом, становится катализатором для рефлексии над ценностями веры, любви, преданности и свободы воли.

Экзистенциальный аспект произведения реализуется и через подробное раскрытие внутреннего мира Иуды. Писатель показывает его как глубоко одинокого и непонятого, но в то же время страшного человека с демоническими. В нём кипят неразрешимые противоречия: жажда справедливости сталкивается с бессилием изменить систему, любовь к учителю переплетается с чувством отчуждения и непонимания. Иуда страдает от неспособности окружающих увидеть его истинные мотивы, уловить глубину его чувств, его раздирает двойственность.

Кроме того, в повести Андреева даётся своеобраз-

ный взгляд на извечную проблему добра и зла, на тему предательства, которые преломляются сквозь призму целого ряда тем – любви, проблемы взаимоотношений Учителя и ученика, зависти, гордыни, желания быть первым. Историю низкого предательства автор не рассма-

тривает в рамках прошлых времён, а преломляет её на ту историческую эпоху, в которой он жил и творил, переосмысляя проблему отступничества в метафорическом контексте – как один из основных признаков общественно-политических событий в России начала XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Л.Н. Иуда Искариот. Повести. Рассказы. М.: Издательство Э, 2015. 640 с.
2. Андреев Л.Н. Полное собрание сочинений и писем в 23 томах. Т. 3. М.: Наука, 2014. 792 с.
3. Блок А.А. Возмездие // Блок А.А. Избранное. М.: Художественная литература, 1997. 309 с.
4. Западова Л.А. Источники текста и «тайны» рассказа-повести «Иуда Искариот» // Русская литература. 1997. № 3. С. 43–48.
5. Крючков В.П. Русская проза XX века: М. Булгаков, Л. Андреев, Б. Пильняк, Е. Замятин. Саратов: СГУ имени Н.Г. Чернышевского, 2017. 178 с.
6. Окунева А.М. Приёмы психологизма в воссоздании образа Иуды в повести Л. Андреева «Иуда Искариот» // Университетские чтения – 2017: Материалы научно-методических чтений ПГУ, Пятигорск, 12–13 января 2017 года. Том Часть VI. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2017. С. 56–59.
7. Руднев В.П. Экзистенциализм // Словарь культуры XX века. – М.: Издательство «Аграф», 1997. С. 635–636.
8. Lutigneaux R. L'existentialisme [Электронный ресурс] // URL: <https://www.revuedesdeuxmondes.fr/wp-content/uploads/2016/11/4367c71878cd3113c3a197e83b01aea2.pdf> (дата обращения 12.09.2025).

© Жэнь Цзичжао (1435284454@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»